

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ И БОЛЬШИЕ ЦИКЛЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

ОЛЬГА БУТОРИНА

Институт Европы РАН, Москва, Россия

Резюме

Вопрос о динамике региональной экономической интеграции поднимается нечасто. Европейский союз двигался от таможенного союза к общему рынку, а затем к валютному союзу, что соответствовало описанным Б. Балашшей формам или степеням интеграции. Последний переход к более сложной форме состоялся 25 лет назад – при введении евро. Гипотетическая возможность транзита к самой сложной из описанных Балашшей форм интеграции – полному экономическому союзу с унификацией экономической и фискальной политики государств-членов – утрачена после конституционного кризиса 2005 года. Таким образом, общепринятая концепция стадий экономической интеграции выполнила свою научную миссию, и ныне её объяснительная сила близится к исчерпанию. Отсюда возникает потребность в новых представлениях, которые помогли бы проникнуть в суть региональной экономической интеграции первой половины XXI века. Данная статья выдвигает гипотезу больших циклов региональной экономической интеграции на основе двух теоретических предпосылок. Первая – региональная интеграция является коллективным инструментом глобализации, а не замкнутым, эндогенно индуцируемым процессом, ориентированным исключительно на получение хозяйственных выгод и преодоление узости национальных рынков. Развитие интеграции складывается под воздействием двух импульсов: внутреннего и внешнего. Реагирование на внешние вызовы – имманентная часть интеграционного развития. Вторая предпосылка – экономическая интеграция развивается не поступательно и линейно, а циклически. Периоды высокой активности сменяются затишьем и застоём, что происходит под воздействием внутренних и внешних процессов, а также в результате их наложения. История экономической интеграции в ЕС позволяет выделить три больших цикла: первый (1951–1984), второй (1985–2019) и третий (с конца 2019 года). Каждому циклу соответствует своя повестка и программа действий. Когда программа реализована, нагрузка на интеграционные механизмы возрастает, что под воздействием неблагоприятных внешних сил может приводить к снижению интеграционной активности и застою с признаками дезинтеграции. Переход к новой повышательной волне возможен в рамках нового цикла, что требует перезагрузки проекта на основе новой идеологии, целей и ресурсов.

Ключевые слова:

Европейский Союз; региональная экономическая интеграция; стадии интеграции; таможенный союз; общий рынок; валютный союз; большие циклы

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.10.2024

Дата принятия к публикации: 30.10.2024

Для связи с автором / Corresponding author:

Email: olgabutorina@mail.ru

Тогда уже я пытался провести разграничение между процессами развития, обладающими известным направлением, и процессами колебательного конъюнктурного характера, не обнаруживающими какого-либо определённого направления.

Н. Д. Кондратьев, 1926.

Региональная экономическая интеграция как феномен международных отношений начала развиваться во второй половине XX века и вскоре приобрела глобальный охват. Региональные экономические объединения ныне действуют на всех населённых континентах, демонстрируя большое разнообразие форм, а также задач и инструментов их достижения. Региональная интеграция включает в себя несколько измерений: экономическое, политическое, социальное, культурное, технологическое и др. Наиважнейшими из них являются два первых: экономическое и политическое.

Объектом данной статьи является экономическая интеграция, рассматриваемая на примере Европейского союза. Предметом исследования выступает динамика региональной экономической интеграции. Выбор предмета продиктован двумя основными мотивами. Первый заключается в том, что ход развития экономической интеграции, его законы, движущие силы, противоречия и исторический рисунок представляются сегодня лишь в самых общих чертах. Второе соображение: мир и мировая экономика XXI века существенно отличаются от того, какими они были во второй половине прошлого века. За минувшие десятилетия произошло множество политических и технологических трансформаций, которые, по логике вещей, не могут не влиять на природу региональной экономической интеграции. Было бы странно, чтобы она оставалась неизменной со времени «холодной войны», золотого стандарта, угля, телеграфа и пишущей машинки.

Между тем существующие по сей день инструменты анализа региональной экономической интеграции в основном базируются на классической теории таможенного

союза, которая возникла как часть теории международной торговли в 1950-х — 1960-х годах. Предложенный тогда взгляд на динамику интеграционного процесса предполагал движение от простых форм к сложным: от зоны свободной торговли к таможенному союзу, а далее — к валютному союзу и полной экономической интеграции. Сегодня эта схема всё меньше подходит для объяснения процессов, происходящих как в Европейском союзе, так и в региональных объединениях Азии, Африки, Северной и Южной Америки. Назрела потребность в новом понимании природы интеграции, которое согласовывалось бы с реалиями времени, когда подавляющая часть мирового ВВП производится в сфере услуг, финансовые рынки многократно превосходят по размерам реальную экономику, а цифровые технологии и климатическая повестка пронизывают всю ткань хозяйственной жизни людей.

Статья выдвигает гипотезу больших циклов, или длинных волн, региональной экономической интеграции. Гипотеза строится на двух теоретических предпосылках.

Первая предпосылка — региональная интеграция является коллективным инструментом глобализации, а не замкнутым, эндогенно индуцируемым процессом, ориентированным исключительно на получение хозяйственных выгод и преодоление узости национальных рынков. По мнению автора, развитие интеграции происходит под воздействием двух импульсов: внутреннего и внешнего. Причём реагирование на внешние вызовы осуществляется не в режиме *ad hoc*, а постоянно, даже когда это не очевидно, так как региональная интеграция по своей природе есть продукт и инструмент глобализации.

Вторая предпосылка — экономическая интеграция развивается не поступательно и линейно, а циклически. Периоды высокой активности сменяются затишьем и застоём, что происходит под воздействием внутренних и внешних процессов, а также в результате их взаимного наложения.

Автор статьи понимает экономическую интеграцию как процесс создания группой стран общего экономического пространства с целью достижения его большей эффективности и занятия более выгодной позиции в глобальной иерархии. Формулировка базируется на определении, выработанном в 2005 г. Кафедрой европейской интеграции МГИМО. А именно: «региональная интеграция представляет собой модель сознательного и активного участия группы стран в процессе глобальной стратификации мира». Интеграция позволяет максимально использовать преимущества глобализации и смягчать её негативное воздействие [Буторина 2011: 18].

Статья организована следующим образом. Сначала автор рассматривает имеющиеся теоретические положения о динамике экономической интеграции и даёт структурированный обзор научной литературы. Далее обосновывается актуальность выдвигаемой гипотезы и обозначаются её основные характеристики. В следующих трёх частях в хронологическом порядке исследуется динамика европейской экономической интеграции в рамках каждого из выделяемых автором циклов. Раскрывается логика интеграционного движения, анализируются ускорявшие и замедлявшие его факторы.

Динамика интеграции: теоретическая рамка

Ключевое представление о динамике региональной экономической интеграции связано с именем Белы Балашши — американского экономиста венгерского происхождения. В работах 1961 г. он выделил пять её степеней: зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок, экономический союз (с гармонизацией экономической и валютной политики) и полная

экономическая интеграция. Последняя предполагала унификацию экономической, фискальной и других направлений политики, что потребует учреждения наднационального органа управления, решения которого будут обязательными для государств-членов [Balassa 1961a; 1961b]. Фактически речь шла о политическом союзе, о создании федерации или конфедерации.

С течением времени «степени» трансформировались в «стадии» и возникло представление об интеграции как о своего рода лестнице с восхождением от простых форм к сложным. По утверждению Ричарда Болдуина, Балашша никогда не говорил о стадиях, а только обсуждал альтернативные модели интеграции для современной ему Западной Европы. Следовательно, представление о лестнице с заранее определёнными стадиями — ошибка [Baldwin 2012: 2]. Вместе с тем концепт стадий прочно укоренился и в общественном сознании, и в научном анализе хотя бы потому, что ЕС в своём развитии последовательно двигался от таможенного союза к общему рынку, а затем к экономическому и валютному союзу. В пользу образа лестницы свидетельствует и то обстоятельство, что сам Балашша говорил о «более высокой форме экономической интеграции» [Balassa 1961b: 5].

Жак Пелкманс, один из ведущих теоретиков экономического аспекта интеграционных процессов, отметил, что идея стадий (он использует именно это слово) Балашши построена вокруг задач негативной интеграции и оставляет без внимания меры позитивной интеграции. Однако же стабильно функционирующий общий рынок требует не только полной отмены торговых ограничений, но и действенного рыночного регулирования, поскольку сегодня оно создаёт намного больше проблем, чем пошлины и квоты [Pelkmans 2024: 66]. Напомним, что негативной интеграцией называют устранение барьеров на пути движения факторов производства. Позитивной — меры, направленные на создание новых инструментов и механизмов сотрудничества. Данное различие ввёл в научный

оборот будущий лауреат Нобелевской премии голландский экономист Ян Тинберген [Tinbergen 1954: 121–122].

Идея стадий идеализирует природу интеграции, создавая впечатление, будто она должна и всегда способна развиваться от низших форм к высшим. Если такого продвижения нет, то интеграционный опыт признаётся неудовлетворительным. Тем не менее, подавляющее большинство из 600 действующих и официально зарегистрированных в ВТО региональных торговых соглашений представляют собой зоны свободной торговли. К категории таможенных союзов относится не больше 30, а к категории общего рынка – менее десятка. И только Европейский союз смог создать полноценный валютный союз.

Таким образом, концепция Балашши в её исходной задумке, скорее всего, не предназначалась для анализа динамики экономической интеграции. Схема стадий в её распространённой версии даёт подкупающее чёткостью, но не везде работающее представление о таком движении.

Какие ещё концепции помогают осмыслить динамику экономической интеграции? В первую очередь, необходимо выделить концепцию спроса и предложения, начало которой было положено в трудах основателя неофункционализма Эрнста Хааса [Haas 1961: 375]. Тезис о том, что успех региональной интеграции предопределён наличием на неё спроса и предложения, получил широкое распространение после выхода в 1999 г. работ Вальтера Мэттли. Спрос на интеграцию, в его понимании, предъявляют те группы игроков, чьи интересы лежат в плоскости трансграничного взаимодействия, в первую очередь – крупный бизнес. Предложение зависит от готовности политических лидеров продолжать интеграционное движение, когда они убеждены, что этот курс поможет им удержаться у власти. Региональные объединения, которые удовлетворяют этому двойному условию, имеют наибольшие шансы на успех. Группировки, где нет ни спроса, ни предложения, не в состоянии достичь сколько-нибудь зна-

чительного уровня сближения. Уровень, в понимании Мэттли, определяется готовностью независимых государств передать управление ключевыми сферами национальной политики наднациональным органам [Mattly 1999a; 1999b: 42–55].

Здесь слышится отсылка к стадиям интеграции, поскольку передача полномочий на наднациональный уровень более характерна для таможенного союза, общего рынка и экономического союза, но не для зоны свободной торговли. Не вступая в дискуссию об источниках спроса и предложения, заметим только, что ни один из этих потоков не может быть и не должен подразумеваться как постоянный. Ведь потребности заинтересованных игроков и стремление властей удовлетворить их (в трактовке Мэттли) могут меняться с течением времени, в том числе в пределах экономических и политических циклов разной продолжительности.

В рамках второй группы работ, посвящённых экономической интеграции, отмечается, что группировки развивающихся стран имеют меньшую долю внутрирегиональной торговли в общем объёме их внешней торговли, чем группировки развитых стран. Если экономика стран-партнёров базируется на сельском хозяйстве и добыче природных ресурсов, то схожесть профилей экспортной специализации оставляет мало места для взаимных обменов. Такие страны больше заинтересованы в развитии отношений с внешними партнёрами из числа промышленно развитых государств, чем между собой [Шишков 2001: 61–74].

Связь между уровнем промышленного развития и потенциалом региональной интеграции начали активно исследовать в 1960-х годах. Тогда же заговорили о *внутриотраслевой специализации*, которая открывает широкие возможности для развития торговли. Но для этого страны должны иметь высокоразвитое производство готовых изделий, в первую очередь машин и оборудования. Тогда базирующиеся на кооперации внутриотраслевые обмены успешно развиваются и оказываются гораздо более устойчивы к колебаниям эконо-

мической конъюнктуры, чем межотраслевые обмены [Verdoorn 1960; Balassa 1966].

Данные положения легли в основу новой концепции, согласно которой успех интеграции зависит от её направленности: внутрь объединения или вовне. Когда объединяются страны с развитой экономикой, у них возникает широкое поле для взаимодействия, поскольку их хозяйства дополняют друг друга. Группировки развивающихся стран находятся в ином положении. При слабых и неразвитых внутренних рынках правительства стремятся развивать отношения не с такими же слабыми партнёрами по группировке, а с сильными из числа третьих стран. Страны-участницы конкурируют друг с другом на мировых рынках, и все вместе борются за приток иностранных инвестиций извне. Отсюда вытекает вывод: когда вектор интеграции направлен вовне, она имеет мало шансов на успех [Krapohl, Fink 2013; Krapohl 2017].

Если понимать региональную интеграцию как часть и коллективный инструмент процесса глобализации, из чего исходит автор данной статьи, то представленная логика требует корректировки. Об этом говорят факты. Европейское экономическое сообщество создавалось под давлением возникшей после Второй мировой войны биполярной системы, резкого возрастания экономической мощи США и Советского Союза и на фоне начавшегося демонтажа колониальной системы. Эти вызовы честно перечислял Жан Монне – ведущий идеолог и основатель Европейских сообществ [Monnet 1963]. С середины 2000-х годов ЕС все более настойчиво декларирует геополитические цели¹, включая продвижение

своих ценностей в мире, а также обеспечение лидерства в климатической и цифровой трансформации². Европейская комиссия Урсулы фон дер Ляйен в течение первого срока её председательства именовала себя «геополитической»³. Правильнее утверждать, что группировки развитых стран имеют больший потенциал для углубления внутрирегионального сотрудничества, чем группировки развивающихся стран. При этом и те, и другие ставят цель усилить свои международные позиции, минимизировать негативное влияние глобализации и максимально широко использовать её преимущества.

Третий кластер научных трудов сосредоточен на изучении динамики экономической интеграции при помощи количественных показателей, методика которых заметно шагнула вперёд. На этом направлении проделана и продолжается большая работа, позволяющая сравнивать уровни интеграции в различных регионах. Имеющиеся индикаторы можно объединить в три большие группы. Первая призвана оценивать масштаб и интенсивность взаимных обменов внутри объединения. Вторая даёт представление о степени однородности общего экономического пространства. Третья помогает отслеживать, как объединения выполняют задачи социально-экономического развития, официально поставленные в их программных документах [The Regional Integration Manual... 2011; Indicator-Based Monitoring... 2017]. Указанные методики позволяют произвести более калиброванную оценку уровней по сравнению с результатом использования одного маркера. Имеется

¹ О стремлении Евросоюза дать коллективный ответ на глобализацию и направлять её в русле своих ценностей и интересов см., например: European values in the globalised world. Contribution of the Commission to the October Meeting of Heads of State and Government. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Brussels, 20.10.2005 COM(2005) 525 final

² Europe's Choice. Political Guidelines for the Next European Commission 2024–2029. Ursula von der Leyen Candidate for the European Commission President. https://commission.europa.eu/document/download/e6cd4328-673c-4e7a-8683-f63ffb2cf648_en?filename=Political%20Guidelines%202024-2029_EN.pdf

³ Ursula von der Leyen, Mission letter to Josep Borrell, High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy/ Vice-President of the European Commission. 1 December 2019. https://commissioners.ec.europa.eu/system/files/2022-11/mission-letter-josep-borrell-2019_en.pdf

в виду масштаб передачи национального суверенитета на наднациональный уровень, который предложен в работах В. Мэттли и представителей политических теорий интеграции.

Исследование динамики экономической интеграции было бы неполным без обсуждения вопроса о её движущих силах. Согласно доминирующему в научной литературе мнению, экономическая интеграция всегда направлена на получение выгод. На этой основе строятся модели, которые позволяют определить, насколько та или иная страна заинтересована во вступлении в региональное объединение, а также какой чистый доход она будет получать благодаря членству. Данный подход имеет очевидные ограничения. Он не учитывает, что интеграция может реализовываться не только для получения выгод, но и для снижения рисков и угроз, равно как и укрепления позиций страны или объединения на глобальном уровне. Иными словами, созидательные задачи могут сочетаться с задачами защитного свойства [Буторина 2021; Буторина, Борко 2022].

Вопрос о выгодах и издержках экономической интеграции понимался основоположниками интеграционных исследований в рамках теорий таможенного союза и оптимальной валютной зоны. Якоб Винер описал эффекты создания новых и отклонения прежних торговых потоков после вступления страны в таможенный союз [Viner 2014]. В дальнейшем такие эффекты назвали статическими в противовес динамическим, которые имеют длительное действие. Хотя Фриц Махлуп называл такое разделение «наименее полезным» для анализа [Machlup 1977: 99], исследования динамических эффектов получили новый импульс в конце 1980-х годов, когда в рамках теории международной торговли начали разрабатываться модели с несовершенной конкуренцией [Holmes, Tovias 2013: 40–41]. Модели, построенные на базе теорий экономического роста, выявили положительную связь между растущей на общем рынке конкуренцией, эффектом масштаба и

стимулами к структурным изменениям [Bongardt, Torres 2013]. К долгосрочным эффектам интеграции специалисты также относят выгоды от передачи знаний через внешнюю торговлю, что позитивно влияет на экономический рост [Dion 2004; Ушкалова, Головин 2011: 28].

В рамках теории оптимальной валютной зоны Роберт Манделл сформулировал условия, при которых вступление страны в валютный союз будет экономически оправданным. Он исходил из допущения, что издержки от потери самостоятельной денежно-кредитной политики должны компенсироваться выгодами от участия. Главное благо, которое приобретают страны-участницы валютного союза, заключается в стабильности их двусторонних обменных курсов. Ведь при фиксированных курсах правительствам легче поддерживать макроэкономическую стабильность (держат под контролем безработицу и инфляцию), чем при колеблющихся [Mundell 1961].

Наличие долгосрочных или постоянных положительных эффектов экономической интеграции позволяет предположить, что она сохраняет полезность для участвующих в объединении стран даже при отсутствии видимого прогресса, то есть без перехода к более высоким стадиям или уровням. Как следствие, состояние плато является нормальным. Это утверждение представляет собой первый теоретический аргумент в пользу остановки интеграции на достигнутом рубеже.

Второй аргумент вытекает из того, что переход к более высокой стадии или более сложной форме сопряжён с дополнительными усилиями и издержками. Например, при переходе к таможенному союзу государство теряет таможенный доход, а национальные производители могут лишиться части местных рынков. Создание институтов, которые бы согласовывали решения об общем тарифе и о единых правилах происхождения товаров, требует немалых финансовых затрат [Кондратьева 2020: 25]. Есть основания полагать, что начальные стадии интеграции дают больший эконо-

мический эффект (в части прироста благосостояния и активизации экономического роста), чем её более продвинутые формы [Ушкалова 2017]. Данная идея в целом согласуется с принципом предельной полезности. Высказывается мнение, что углубление интеграции может способствовать накоплению асимметрии внутри общего хозяйственного пространства. Как следствие, условия для экономического развития одних стран улучшаются, а для других — ухудшаются [Бучинская 2023].

Давно известно, что интеграция может запускать нежелательные процессы, включая описанные родоначальником пространственной экономики Франсуа Перру агломерационные эффекты [Perroux 1958]. Понимание неизбежных негативных последствий углубления интеграции ввиду создания Единого внутреннего рынка стало одной из центральных тем доклада, подготовленного в 1987 г. по заказу Европейской комиссии. Экспертной группой тогда руководил итальянский экономист Томмазо Падоа-Скьоппа, в будущем — главный идеолог единой валюты⁴. Издержки высококоразвитой экономической интеграции в полной мере проявились во время долгового кризиса еврозоны (2010—2012).

Третий аргумент — развитие интеграционного взаимодействия может сопровождаться нарастанием межгосударственных противоречий. Конфликтный потенциал является центральным пунктом активно развивающейся теории постфункционализма. Она рассматривает региональную интеграцию не как процесс сотрудничества, а как конфликт между создаваемым ею функциональным давлением и эксклюзивной национальной идентичностью. Сторонники этой теории допускают возможность отката назад и дезинтеграции [Hooghe, Marks 2009; Hooghe, Marks 2019].

Кроме того, как показывает практика ЕС, интеграция сама способна создавать системные макроэкономические дисба-

лансы. В частности, в еврозоне за время её функционирования сформировались две отличные модели хозяйственного роста. В одних странах он всё больше опирается на экспорт, а в других — зависит от динамики долга (*export-led growth*, *debt-led growth*). Как следствие, пути экономического развития ядра и периферии еврозоны стали все больше расходиться [Covi 2020]. Логично предположить, что такая ситуация более характерна для высоких стадий интеграции, нежели для начальных. В итоге центробежные силы могут нарастать по мере усложнения её форм.

Итак, представления о динамике экономической интеграции базируются на популярной версии схемы Балаши с пятью стадиями. Считается, что её продвижение к более высоким стадиям зависит от наличия спроса и предложения, а также от уровня индустриализации стран-участниц, что обуславливает направленность главного вектора — внутрь или вовне объединения. Количественные показатели помогают отследить динамику интеграции (что особенно полезно для оценки фактической интегрированности товарных и финансовых рынков), но не объясняют её подъемов и спадов. Научная литература о выгодах и издержках экономической интеграции позволяет предположить, что их соотношение не является постоянным и может влиять на динамику интеграционного процесса, а именно: способствовать фазе плато при наличии долгосрочных положительных эффектов и создавать предпосылки для замедления интеграции (или её отката) при нарастании отрицательных эффектов и усилении противоречий между участвующими странами.

Гипотеза больших циклов интеграции

Данная статья призвана дополнить существующие теоретические построения о природе региональной экономической интеграции в двух аспектах.

⁴ Efficiency, stability and equity. A Strategy for the Evolution of the Economic System of the European Community. (Report of a study group appointed by the Commission of the European Communities, and presided by T. Padoa-Schioppa). April 1987.

В первом случае региональную интеграцию следует рассматривать как часть процесса глобализации. Общая траектория экономической интеграции складывается под воздействием двух видов сил: внутренних и внешних. Более того, внешние силы способны задавать повестку интеграционного процесса, влиять на выбор форм и инструментов экономической интеграции, возможно, не в меньшей, а на отдельных исторических этапах в большей степени, чем внутренние силы. Второй аспект касается нелинейности и цикличности развития экономической интеграции. На этом пути весьма ожидаемы остановки с признаками дезинтеграции. Чередование периодов роста и застоя может приводить к формированию больших циклов, или длинных волн интеграционного развития.

Рассмотрим эти два положения подробнее.

Первое касается значения глобализации. К существенному упущению научной литературы можно отнести восприятие региональной экономической интеграции как вещи в себе, а не части процесса глобализации. Главным мотивом участия страны в объединении считается получение чистой выгоды в первую очередь в виде прироста благосостояния. Таким образом, интеграция считается эффективной, если она позволяет преодолевать узкие рамки национальных рынков. В теоретических построениях внешние субъекты отсутствуют, будто группа стран парит в воздухе или целиком занимает единственный на планете материк.

Исключения отчасти составляют теория оптимальной валютной зоны и концепция нового регионализма. Возникшая в 1960-е годы теория оптимальной валютной зоны [Mundell 1961; McKinnon 1963; Kenen 1969; De Grauwe 2006] исходила из того, что, если фиксированные курсы невозможно установить в масштабах всего мира, то задача может иметь решение в рамках отдельного региона. Новый, или открытый

регионализм [Bergsten 1997, Baldwin 1997, Ethier 1998, Спартак 2017; Костюнина 2020] к традиционным целям интеграции добавляет задачу укрепления группой стран внешней конкурентоспособности и более эффективного (благодаря объединению) участия в системе регулирования международной торговли. В обоих случаях внешняя среда представляется как общий контекст, но не как фактор, влияющий на композицию интеграционных инструментов и на динамику интеграционного процесса. В политическом и экономическом анализе глобальные игроки принимаются в расчёт. При этом их действия рассматриваются как дополнительные к основному процессу интегрирования, а не как его важнейшие слагаемые.

Подобная инкапсуляция особенно характерна для нарратива, сформированного органами ЕС. Он традиционно представляет интеграцию как самостоятельный, обособленный и эндогенно индуцируемый процесс. В частности, по этой причине в официальной истории ЕС⁵ нет упоминания о Европейском платёжном союзе, учреждённом по прямому требованию США. Между тем за период своего действия (1950–1958) объединение освободило взаимную торговлю 17 стран-участниц от бартера, восстановило конвертируемость их национальных валют, а также демонтировало основную часть торговых барьеров. Тем самым либерализация торговли в Западной Европе – это далеко не целиком заслуга созданного много позже таможенного союза Европейского экономического сообщества (ЕЭС).

На практике многие стратегические решения Брюсселя принимались в ответ на внешнее давление и угрозы. Яркий тому пример – введение ЭКЮ, а позже – единой европейской валюты евро. Под этими решениями лежало стремление государств-членов снизить зависимость от экономической политики США и отвести угрозу долларизации внутрирегиональных трансгра-

⁵ European Union, History of the European Union 1945-59. URL: https://european-union.europa.eu/principles-countries-history/history-eu/1945-59_en (accessed: 22.09.2024).

ничных расчётов. Далее будет показано, каким образом крушение золотого стандарта повлияло на выбор инструментов интеграции. Базируясь на конкретных примерах из истории Европейского Союза, Н.Ю. Кавешников справедливо замечает, что его развитие происходит не в вакууме, при этом «внешние факторы действуют как стимулы или устанавливают пределы возможного» [Kaveshnikov 2024: 12].

Второе положение затрагивает нелинейность интеграции. Имеющийся мировой опыт не позволяет утверждать, что заложенный в ней потенциал наделяет её способностью динамично развиваться на протяжении всей своей истории. Есть достаточно аргументов рассматривать интеграцию как нелинейный процесс. Об этом пишет А. А. Байков, предлагая применительно к ЕС говорить не о дилемме расширения или углубления интеграции⁶, а о «сочетании целенаправленного движения с цикличностью, присущей любой открытой социальной системе». Он также обнаруживает чередование циклов расширения и сжатия в эволюции восточноазиатского регионализма [Байков 2007; Байков 2012: 30–31]. Нелинейность процесса европейской экономической интеграции отмечается также в связи с разной интенсивностью торговых и инвестиционных связей внутри ЕС как единого целого, так и его субрегиональных элементов [Четверикова 2024].

Логично предположить, что каждая из движущих сил интеграционного процесса – внутренняя и внешняя – может в одни периоды благоприятствовать движению, а в другие затруднять его. При их волнообразном изменении возникнет эффект интерференции – взаимного увеличения или уменьшения результирующей амплитуды двух волн при их наложении друг на друга. Автор заимствует термин из

физики, где он используется в теории электромагнитных колебаний и как частный случай – в волновой теории света.

Гипотеза данной статьи сформулирована следующим образом. Региональная экономическая интеграция развивается циклически. Периоды высокой интеграционной активности чередуются с периодами затухания, когда накопившиеся внутренние противоречия и/или внешние шоки требуют перезагрузки проекта. В результате возможен как распад объединения, так и его масштабное переформатирование на основе новой идеологии с опорой на политическую волю и ресурсы заинтересованных групп. Интервалы между периодами интеграционной активности могут характеризоваться идеальным вакуумом.

История Европейского Союза позволяет выделить три больших цикла экономической интеграции. Первые два завершены. Каждый из них начинался с активной фазы роста, далее интеграционная активность достигала пика, после чего под воздействием внешних и внутренних сил обозначался переход к низкой динамике с признаками дезинтеграции. Третий большой цикл находится в стадии развёртывания и имеет существенные отличительные особенности.

Первый цикл (1951–1984)

Отсчёт истории ЕС принято вести от подписания в апреле 1951 г. в Париже Договора о создании Европейского объединения угля и стали (ЕОУС). Его участниками стали шесть стран: Франция, Германия, Италия, Бельгия, Нидерланды и Люксембург. Договор поставил под наднациональный контроль стратегические для того времени отрасли, от которых зависело производство вооружений и возрождение тяжёлой промышленности. В марте 1957 г. названные шесть стран подписали в Риме два новых

⁶ Следует уточнить, что расширение региональной интеграции может трактоваться двояко. В первом случае это процесс её распространения на новые сферы сотрудничества (например, транспортная и экологическая политика в ЕС, появившиеся после создания таможенного союза). Во втором случае речь идет о географическом расширении, то есть о вступлении в объединение новых стран. Чтобы не избежать путаницы, автор подчеркивает факт географического расширения.

договора – о создании Европейского сообщества по атомной энергии (Евратома) и Европейского экономического сообщества (ЕЭС). Оба договора вступили в силу 1 января 1958 года.

Внутренними факторами объединения послужили стремление покончить с наследием двух мировых войн и создать условия для прочного мира в Европе; необходимость послевоенного восстановления экономики, повышения уровня жизни населения, возобновления многосторонней торговли и движения капиталов. Внешними факторами стали: формирование биполярной политической системы мира; резкое возрастание экономической мощи США; подъём освободительного движения в колониях; формирование группы социалистических стран Центральной и Восточной Европы.

Договор о ЕЭС провозгласил цель создать между государствами-членами таможенный союз путём полной отмены пошлин и квот во взаимной торговле товарами. Такой союз заработал летом 1968 года. Ещё раньше, с 1962 года, начала действовать Общая сельскохозяйственная политика ЕЭС, нетривиальным образом соединившая механизмы планового и рыночного хозяйства. Сообщество установило единые внутренние цены на ключевые сельскохозяйственные товары и оградило местных производителей от внешних конкурентов. Разница между внутренней и мировой ценой покрывалась из общего бюджета объединения, поглощая до $\frac{3}{4}$ его финансовых ресурсов.

Первые успехи по пути интеграции давали основание для самых смелых планов. Меморандум Комиссии ЕЭС от 31 мая 1958 г. ставил целью создание полномасштабного экономического союза. Для этого предлагалось заключить новый договор взамен Римского, по которому государ-

ства-члены передали бы Сообществу полномочия в области бюджетной, денежно-кредитной, валютной и инвестиционной политики. Меморандум Комиссии от 24 октября 1962 г. трактовал начатый Римским договором процесс интеграции как движение к политическому союзу, который охватит экономическую и социальную сферы. К концу десятилетия планировалось сформировать не только общий бюджет Сообщества, но и валютный союз с банковской системой федеративного типа⁷. В октябре 1970 г. в контексте резкой дестабилизации мировой валютной системы Комиссия приняла программу поэтапного движения к экономическому и валютному союзу, содержащуюся в представленном несколько ранее докладе Вернера⁸.

Экономическая интеграция продолжала находиться в стадии роста. Повышательная волна достигла пика 1 января 1973 года, когда к Сообществу присоединились ещё три страны: Великобритания, Ирландия и Дания. «Шестёрка» превратилась в «девятку». Совокупный ВВП объединения и общая численность его населения увеличились на треть.

Дальнейшее развитие интеграции было остановлено внешними событиями. В августе 1971 г. США прекратили обменивать доллары на золото, а в марте 1973 г. перешли к плавающему курсу доллара. На этом Бреттон-Вудская система, основанная на золотодолларовом стандарте, прекратила существование, положив конец эпохе фиксированных курсов. В октябре 1973 г. на фоне арабо-израильской войны разразился первый нефтяной кризис: страны ОПЕК подняли цены на нефть в четыре раза.

С этого времени действия руководящих органов ЕЭС переключились с созидательных задач интеграции на защитные. Если раньше меры негативной и позитивной интеграции были направлены на развитие

⁷ European Economic Community – Commission. Com 62 (300). Memorandum of the Commission on the action programme of the Community for the second stage. Brussels. 24 October 1962.

⁸ Report of the Council and the Commission on the Realisation by Stages of Economic and Monetary Union in the Community. “Werner Report” (definitive text). Supplement to the Bulletin 11-1970 of the European Communities. Luxembourg, 8 October 1970.

торговли и получение выгод, то теперь новые механизмы создавались исключительно с целью не допустить дезинтеграцию. Последнее положение требует некоторых дополнительных пояснений.

Переход к плавающим курсам представлял гораздо большую угрозу для ЕЭС, чем для других капиталистических стран. Перспектива снижения курсов слабых валют (итальянской лиры и французского франка) означала бы усиление ценовой конкурентоспособности экспортёров из этих стран. Значит, производители из Германии и Нидерландов потребовали бы, чтобы их правительства ввели пошлины, квоты и иные ограничительные меры в отношении партнёров. Ситуация с едиными аграрными ценами была ещё сложнее. Выражаясь современным языком, речь шла о конкурентных девальвациях, которые подрывали механизмы таможенного союза и общей аграрной политики.

Спасение нашли в решении твёрдо зафиксировать валютные курсы стран ЕЭС по отношению друг к другу. Подписанное в апреле 1972 г. Базельское соглашение запустило механизм многосторонней привязки курсов, больше известный как «змея в туннеле», или «валютной змея». Из-за несовершенства конструкции она давала только временную передышку. Спустя семь лет, в марте 1979 года, государства-члены ЕЭС учредили Европейскую валютную систему с собственной расчетной единицей ЭКЮ. Новая система продержалась в общей сложности 20 лет – до введения евро.

Из весьма авторитетной теории неофункционализма известен так называемый эффект перелива (*spillover*). Интеграция распространяется из одной сферы в другую, так как введённое общее регулирование в одних отраслях с течением времени требует аналогичного согласования или общего управления в других. Тем не менее, вопреки распространённым трактовкам, в случае «валютной змеи» перелив произошёл вовсе не потому, что интеграция поступательно распространялась на новые сферы. Причина заключалась в угрозе разрушения её главных достиже-

ний – таможенного союза и общей аграрной политики.

В 1978 г. случился второй нефтяной шок. Инфляция в странах ЕЭС пошла вверх, рост замедлился, безработица увеличивалась. На фоне экономических трудностей правительства стали вводить нетарифные ограничения на импорт из стран-партнёров и искать способы поддержки местных производителей. Интеграция оставалась на стадии или в форме таможенного союза, но его принципы нарушались. По оценкам Комиссии, в это время государства-члены применяли во взаимной торговле 56 разновидностей скрытых, нетарифных барьеров [Шишков 1986].

Все 1970-е годы прошли в ЕЭС под знаком евроскептицизма и «евросклероза», интеграция пребывала в состоянии застоя, авторитет и популярность Сообщества падали. С течением времени переживаемые трудности побудили руководство объединения пересмотреть сверхоптимистичный взгляд на интеграцию и приступить к разработке более реалистичных планов [Борко 2003: 117].

Признаки выхода из застоя наметились к концу десятилетия: в 1981 г. Греция стала десятым членом ЕЭС, а Испания и Португалия в это время уже вели переговоры о вступлении. На 1981-1982 годы пришлось первое за послевоенные десятилетия падение ВВП ряда стран Западной Европы.

В общей сложности первый цикл продлился с 1951 по декабрь 1984 год, когда истекли полномочия седьмого состава Европейской комиссии. Его продолжительность составила 34 года, из которых 22 года пришлось на период высокой динамики и 12 лет – на период низкой динамики. Начавшись в условиях бурного восстановительного роста, европейская экономическая интеграция развивалась в основном за счет либерализации торговли. К концу 1960-х годов в ЕЭС действовали общий аграрный рынок и таможенный союз. С 1973 г. поступательное движение прекратилось, интеграция перешла из режима роста в режим выживания. Причиной этого стали: распад Бреттон-Вудской системы,

нефтяные кризисы и общее ухудшение социально-экономического положения стран региона.

Второй цикл (1985–2019)

Новый подъём интеграции связан с именем Жака Делора, который с января 1985 г. возглавил Европейскую комиссию. Десятилетний период его руководства был отмечен двумя крупными проектами: созданием единого внутреннего рынка и переходом к валютному союзу.

Принятый в феврале 1986 г. Единый европейский акт содержал программу построения Единого внутреннего рынка (ЕВР) без границ с четырьмя свободами: передвижения товаров, услуг, капиталов и лиц. Программа удачно соединяла политические и макроэкономические задачи правительств с коммерческими интересами крупных европейских компаний. Последние всё больше проигрывали американским и японским конкурентам, которые гораздо раньше европейцев включились в технологическую гонку и теперь лидировали в ней. Программа ЕВР была в основном завершена к 1992 году.

Важным следствием Единого европейского акта стало распространение интеграционных действий на многие сферы, не предусмотренные схемой Балаши. Сообщество приобрело новые компетенции и приступило к реализации масштабных программ в сфере научно-технической, транспортной, экологической и культурной политики. Расширился объём действий органов ЕС в сфере конкурентной и региональной политики. Во второй половине 1990-х годов началось развитие энергетической политики ЕС. Применительно к этим отраслевым направлениям правомерно говорить о «переливе» интеграции.

В ходе второго цикла внутренними факторами интеграции послужили стремление найти системное решение социально-экономическим и структурным проблемам 1970-х годов и вернуться к высоким темпам экономического роста; намерение максимально использовать преимущества развернувшейся научно-технической революции,

которая тогда считалась драйвером эндогенного роста.

Одновременно в мире развернулись процессы, оказавшие прямое влияние на динамику европейской интеграции.

Первый из них – сильные и долговременные колебания американской валюты. С конца 1980 по середину 1985 г. номинальный эффективный курс доллара США, то есть измеренный к корзине валют, увеличился почти в полтора раза. Обратное движение заняло два с небольшим года, после чего к маю 1998 г. доллар подешевел ещё на 8%. Резкое снижение курса доллара усилило давление на механизмы Европейской валютной системы. Теперь было трудно определить, какие из европейских валют переоценены, а какие недооценены и, соответственно, кто должен оплачивать дорогостоящие валютные интервенции, что порождало глубокие противоречия между государствами-членами ЕЭС [James 2012: 206–208]. Частота и масштабы проводившихся корректировок курсов свидетельствовали, что Европейская валютная система не выдержит очередного кризиса. Таким образом, в повестку дня возвращался вопрос о жизнеспособности таможенно-союз и общей аграрной политики.

Второй процесс – техническая модернизация и взрывной рост финансовых рынков. Объём операций на мировых валютных рынках увеличивался темпами, намного превышавшими возможности центральных банков накапливать золотовалютные резервы. В результате повышались затраты на валютные интервенции и снижалась их эффективность. Когда ЕЭС провёл намеченную программой ЕВР либерализацию движения капиталов, он оказался перед лицом «невозможной триады». Суть её состоит в том, что рыночные механизмы не позволяют правительствам одновременно соблюдать три условия: проводить независимую денежно-кредитную политику, обеспечивать свободное движение капиталов и поддерживать фиксированный курс. Можно выбрать любые два условия, но не три сразу. Сообщество оказалось перед выбором: бездействовать и ждать самопроиз-

вольного развала Европейской валютной системы (что едва не случилось во время её кризиса 1992–1993 годов) или осознанно переходить к общей валюте.

Третий процесс – начавшаяся в СССР перестройка, улучшение отношений между Москвой и Вашингтоном, размывание биполярной системы мира, за которыми последовали объединение Германии и распад Советского Союза. Потепление политического климата в Европе в результате советской политики разрядки снижало зависимость Западной Европы от США в военной сфере и тем самым улучшало условия для развития интеграции. При этом объединение Германии нарушало сложившийся внутри ЕЭС баланс сил. Опасаясь растущего экономического и политического влияния немецкого государства, другие страны ЕС стремились максимально связать Германию договорными обязательствами в рамках интеграционного объединения.

Делор и его единомышленники посчитали единственно верным решением форсировать транзит от общего рынка к валютному союзу. В феврале 1992 года, сразу после завершения основной части программы построения Единого внутреннего рынка, в Маастрихте был подписан Договор о Европейском союзе. Он заложил правовые основы Экономического и валютного союза и утвердил график перехода к единой валюте. Здесь мы видим пример наложения внутренних и внешних положительных импульсов интеграции. Две восходящие волны наложились друг на друга и в итоге привели к перегреву, как потом стало ясно, интеграционной динамики.

Экономический и валютный союз ЕС заработал с января 1999 года. Он должен был раз и навсегда решить проблему асинхронного движения обменных курсов государств–членов, обеспечить долгосрочную ценовую стабильность, устранить издержки на конвертирование, упростить трансграничные расчёты, повысить ёмкость и ликвидность финансовых рынков. Евро мыслился как венец Единого внутреннего

рынка ЕС и потому – как пролог к политическому союзу. Ожидалось, что, став второй по значимости международной валютой, евро составит серьёзную конкуренцию доллару и мир в результате продвинется в сторону биполярной международной валютной архитектуры.

В мае 2004 г. ЕС достиг пика восходящей волны, когда в его состав вошли сразу десять новых стран с общим населением 100 млн человек, а число участников объединения достигло 25. Еще раньше, в 1995 году, в ЕС вступили Австрия, Швеция, Финляндия, а в 1986 году – Испания и Португалия. Сочетание процессов углубления и территориального расширения интеграции увеличило нагрузку на её механизмы. Это стало особенно заметно после вступления в ЕС государств Центральной и Восточной Европы, которые пережили трансформационные шоки и заметно отставали от западных партнёров по уровню социально-экономического развития. Динамический потенциал интеграции постепенно истощался.

Перелом наступил в середине 2005 года, когда тщательно подготовленный конституционный договор, приближавший ЕС к политическому союзу, не получил поддержки на национальных референдумах во Франции и Нидерландах. Преодоление конституционного кризиса потребовало времени. Согласованный взамен конституции Лиссабонский договор был подписан в декабре 2007 г. и вступил в силу в декабре 2009 года. За это время дух европейского единства заметно ослаб, перспективы интеграции затуманились, а население в ряде стран стало откровенно выражать апатию и скепсис [Кавешников 2017]. Конституционный кризис имел чисто внутреннюю природу. Он проистекал из разрыва во взглядах на интеграцию у элит и крупного бизнеса, с одной стороны, и у рядовых граждан – с другой.

Новый удар по интеграции пришёл извне. Осенью 2008 г. на рынке ипотечного кредитования США разразился масштабный кризис, который быстро распространился на Европу и другие части мира.

По итогам 2009 г. совокупный ВВП 28 стран ЕС упал на 4%, а инвестиции – на 12%⁹.

В марте 2010 года, когда социально-экономическая ситуация начала выправляться, Европейская комиссия обнародовала проект новой программы долгосрочного социально-экономического развития ЕС, озаглавленный «Европа 2020. Стратегия умного, устойчивого и инклюзивного роста»¹⁰. Она представляла собой третью версию невыполненной Лиссабонской стратегии 2000 года. Новая стратегия ставила целью удержать и укрепить конкурентные позиции ЕС в мире за счёт использования передовых технологий и вложений в человеческий капитал, что позволило бы сохранить европейскую социальную модель.

Долговой кризис еврозоны обрушил эти планы. На протяжении 2010–2012 годов Европейский центральный банк и другие руководящие органы Союза вели решительную борьбу за сохранение еврозоны и единой валюты. Интеграция, как и 30 лет назад, перешла в режим выживания. Нижняя точка понижательной волны имеет конкретную дату – 26 июля 2012 года, когда президент ЕЦБ Марио Драги произнёс ставшие историческими слова о том, что банк сделает «всё возможное для сохранения евро». С этого дня спреда по государственным облигациям Германии и наиболее слабых стран еврозоны (разница в процентных ставках) начали медленно снижаться.

Важно понимать, что кризис еврозоны был не продолжением мирового финансового кризиса, а специфической реакцией на него европейского валютного союза. Рецидив возник из-за недоработок в механизмах ЭВС. Единая валюта была введена слишком рано, когда еврозона и её участники не отвечали критериям оптимальности. Утверждённые Маастрихтским договором критерии касались номинальной

конвергенции и не предназначались для достижения реальной конвергенции, то есть сближения уровней развития государств-членов, синхронизации их деловых циклов и гармонизации экономической политики. При этом и они выполнялись национальными правительствами с большим трудом, под прессом риска не быть допущенными в еврозону. Вскоре после введения евро бюджетная дисциплина снова ослабла.

Середина и вторая половина 2010-х годов были посвящены доработке механизмов ЭВС и наращиванию его экономической опоры, поскольку разрыв между централизованной денежно-кредитной политикой ЕЦБ и децентрализованной макроэкономической политикой был признан одной из главных причин кризиса еврозоны. Эта необходимая, но рутинная работа включала в себя программы помощи пострадавшим странам, формирование фискального и банковского союзов, запуск «Европейского семестра», а также планы создания объединённого рынка капиталов. Драматизма периоду добавил миграционный кризис, когда в течение одного 2015 г. в страны ЕС прибыло свыше 1 млн беженцев и нелегальных мигрантов.

Второй большой цикл экономической интеграции продлился с начала 1985 по конец 2019 года. Его общая продолжительность составила 35 лет, из них 20 лет пришлось на активное развитие и 15 лет – на кризисы и медленное восстановление. По сравнению с первым циклом, повышательная часть волны была более крутой, а понижательная – более долгой и драматичной. Период активного развития интеграции опирался на такие внутренние драйверы, как стремление вернуться к высоким темпам роста, поставить научно-технический прогресс на службу обществу и максимально использовать преимущества ёмкого общего рынка. К этому

⁹ European Economic Forecast. Spring 2010. European Economy, No 2, 2010, p. 15.

¹⁰ Europe 2020 A strategy for smart, sustainable and inclusive growth. Communication from the Commission. Brussels, 3.3.2010 COM(2010) 2020 final. <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2010:2020:FIN:EN:PDF>

добавились внешние силы: резкие колебания доллара, лавинообразный рост мировых финансовых рынков, а также крушение биполярной системы. Пик пришелся на май 2004 года, когда число государств-членов ЕС увеличилось до 25. Конституционный кризис 2005 г. ознаменовал начало понижательной фазы, в которой тесно переплелись неблагоприятные внешние и внутренние факторы.

Начало третьего цикла (2019–2024)

Третий большой цикл в истории европейской экономической интеграции начался в ноябре 2019 года, когда к исполнению обязанностей приступил новый состав Европейской комиссии под руководством У. фон дер Ляйен. Обоснованием хронологической границы служит произошедшая смена стратегических целей и приоритетов ЕС. После многих десятилетий, когда центральным в его деятельности был экономический блок, теперь официальными приоритетами объявлялись «Европейская зелёная сделка» (достижение климатической нейтральности к 2050 году), «экономика для нужд людей», цифровизация, «защита европейского образа жизни», укрепление позиций ЕС в мире, а также развитие демократии¹¹.

Раздел «экономика для нужд людей» был мало похож по содержанию на прежние программные документы Брюсселя. Теперь углубление Экономического и валютного союза числилось одной из пяти задач наряду с поддержкой малого бизнеса, развитием социальной модели ЕС, обеспечением равенства с упором на гендерный баланс и достижением справедливого налогообложения. Европейский инвестиционный банк предлагалось частично трансформировать в Европейский климатический банк, а ЕЦБ не упоминался вовсе.

В январе 2020 г. произошло первое в истории уменьшение численного состава ЕС. После выхода Великобритании его

общее население сократилось на 13%, а совокупный ВВП – на 15%. В то же время драма Брекзита, как пишет Ал. А. Громько, содействовала консолидации объединения, а риск его распада под действием эффекта домино фактически отсутствовал [Громько 2020]. По мнению учёных, Брекзит стал ответом на многие экзистенциальные проблемы ЕС – от последствий мирового экономического и миграционного кризисов до специфической реакции населения на рост конкуренции со стороны китайского импорта [Арбатова 2020; Sampson 2017]. При этом отмечается, что давно отработанные Евросоюзом варианты дифференцированной интеграции оставляют мало надежд на воплощение идеи Европы наций или движения к федерации [Стрежнева 2022].

Начало 2020 г. ознаменовалось в мире пандемией COVID-19. Не нарушая принципов Единого внутреннего рынка, государства-члены ЕС временно восстановили пограничный контроль и развернули программы государственной поддержки бизнеса. На уровне объединения возникли новые финансовые инструменты, в том числе Фонд будущего поколения, которые по своему потенциалу значительно превысили предыдущие аналоги. В многолетней финансовой программе ЕС на 2021–2027 годы были усилены инновационные приоритеты и сокращена доля затрат на аграрную политику. Как итог, ЕС совершил шаг в сторону бюджетной федерализации [Пищик, Алексеев 2021]. Неблагоприятное внешнее воздействие удалось смягчить благодаря созданию новых инструментов, то есть мерами позитивной интеграции.

Имелись и крупные провалы. Если в течение 2005–2015 годов система бюджетных правил Европейского союза прошла через несколько этапов реформирования, то в период пандемии их действие было приостановлено. Стало очевидно, что поддержание финансовой устойчивости

¹¹ European Commission, Directorate-General for Communication, Leyen, U., *A Union that strives for more – My agenda for Europe – Political guidelines for the next European Commission 2019–2024*, Publications Office, 2019. URL: <https://data.europa.eu/doi/10.2775/018127> (accessed: 10.09.2023).

как один из ключевых принципов функционирования Экономического и валютного союза ЕС не достигает своей цели [Холопов 2024].

В 2021 г. в условиях продолжавшейся пандемии органы ЕС не стали подводить официальных итогов реализации программы «Европа 2020. Стратегия умного, устойчивого и инклюзивного роста». Комментариев о том, какие из семи флагманских инициатив удалось выполнить, не последовало. С тех пор без публичных объяснений официальный Брюссель отказался от принятия долгосрочных программ социально-экономического развития. На фоне новой «зелёной» повестки окончательно остались в прошлом среднесрочные «Общие направления экономической политики» (*Broad Economic Policy Guidelines*), хотя, согласно Договору о функционировании ЕС, Совет должен разрабатывать общие направления экономической политики государств-членов (ст. 5, п. 1). Складывалось впечатление, что руководство объединения решило отмежеваться от классической концепции роста, сделав выбор в пользу концепции построста с характерным для неё упором на экологические, структурные и социальные параметры развития [Цибулина 2024].

Экономическая интеграция ЕС вступила в период радикальных перемен. Она разворачивается не в сторону большей унификации экономической, фискальной и других направлений политики государств-членов, то есть фактической федерализации, о чём писал Б. Балашша и о чём мечтали архитекторы ЭЭС в 1960-е годы, а в сторо-

ну реагирования на внешние вызовы. На это имеются объективные причины. Доля ЕС-27 в мировой экономике устойчиво снижается: за 2010–2023 годы она сократилась с 21,8 до 17,5%. За тот же период доля Соединённых Штатов возросла с 22,5 до 26,0%, а Китая – с 9,2 до 17,0%. По итогам 2021 г. КНР впервые в истории обошла ЕС по объёму ВВП по текущему курсу – 17,8 и 17,3 трлн долларов, соответственно¹².

Меняющиеся геополитические реалии и усиливающаяся глобальная конкуренция официально объявлялись причинами разработки оглашённой в марте 2020 г. промышленной стратегии ЕС¹³. С серьёзными ограничениями экзогенного свойства столкнулся ЕЦБ в ходе разработки проекта цифрового евро, поскольку подавляющая часть розничных платежей внутри еврозоны осуществляется через крупные неевропейские системы. Развитию рынка цифровых услуг в Евросоюзе препятствует тот факт, что ни одна из пяти крупнейших в мире IT-компаний (*Google, Apple, Meta*¹⁴, *Amazon* и *Microsoft*) не является европейской.

Потребность адекватно вписаться в новую глобальную парадигму – красная нить представленного в сентябре 2024 г. доклада Драги «О будущем конкурентоспособности ЕС»¹⁵. Этот вызов в документе называется экзистенциальным. Ответ на него связан с решением трёх крупных задач: 1) сократить отставание от США и КНР в инновационной сфере, особенно в передовых технологиях; 2) подвести под климатические цели ЕС внятный, последовательный план; 3) повысить степень экономической безопасности, связанной прежде

¹² Источник данных: UNCTADStat: Gross domestic product total and per capita, annual. URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.GDPTotal> (accessed: 12.09.2024). По итогам 2023 г. ввиду торможения экономики Китая его ВВП сократился до 17,8 трлн долларов в текущих ценах, тогда как совокупный ВВП Евросоюза составил 18,4 трлн долларов.

¹³ European Commission. A New Industrial Strategy for Europe. Communication from the Commission. Brussels. 10.03.2020. COM(2020) 102 final.

¹⁴ Компания *Meta Platforms* внесена в список экстремистских организаций на территории Российской Федерации в соответствии с решением Тверского районного суда города Москвы от 21.03.2022 и апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 20.06.2022.

¹⁵ The Future of European Competitiveness // European Commission. https://commission.europa.eu/topics/strengthening-european-competitiveness/eu-competitiveness-looking-ahead_en#paragraph_47059 (accessed: 02.10.2024).

всего с поставками критически важного сырья, полупроводников и цифровых технологий. Предлагаемая к разработке внешнеэкономическая политика ЕС, по всей видимости, будет отталкиваться от принятой летом 2023 г. «Европейской стратегии экономической безопасности»¹⁶.

Особого внимания заслуживает не высказанная прямо, но отчётливая мысль доклада Драги, что «зелёная» повестка не снимает проблему экономического роста. Фактически комиссия фон дер Ляйен не просто провозгласила «Европейскую зелёную сделку», но поставила её на место фундаментальных задач экономической интеграции, таких как экономический рост, повышение благосостояния, координация экономической политики государств-членов, конвергенция, социальное и региональное сплочение. Последние пять лет все они находились в тени. Окажется ли данная смена курса окончательной или будет отыграна назад, станет ясно до конца 2025 года, когда новый состав Европейской комиссии приступит или не приступит к реализации обозначенных в докладе Драги задач.

Как видно, третий цикл начался с решительного пересмотра приоритетов интеграции, где экономическому измерению (в его традиционном понимании) отводится второстепенная роль. Выход Великобритании из ЕС, неуклонное сокращение доли объединения в мировом ВВП, обострение проблемы конкурентоспособности – всё это делает маловероятным новый энергичный подъем экономической интеграции. По крайней мере до тех пор, пока не будут определены её новые стратегические цели.

* * *

Первые два цикла европейской экономической интеграции имели почти одинаковую продолжительность – около 35 лет. Периоды активной динамики составляли примерно 2/3 общей продолжительности

обоих циклов, тогда как их последняя треть приходилась на периоды кризисов и зстоя. После прохождения пика, или точки перелома, задачи интеграции переключалась с конструктивных (созидательных) на защитные, включая необходимость поддерживать жизнеспособность созданных к этому времени её механизмов.

В ходе первого цикла были созданы Общая сельскохозяйственная политика и таможенный союз. Переход от высокой динамики к низкой произошёл под действием экзогенных факторов – распада Бреттон-Вудской системы и нефтяных кризисов. В ходе второго цикла возникли Единый внутренний рынок и Экономический и валютный союз с единой валютой. Переход к политическому союзу не состоялся, что послужило началом периода понижательной динамики, которую многократно усилили мировой финансовый кризис, а затем кризис еврозоны.

Третий цикл начался с пандемии COVID-19, Брекзита и общего реформирования интеграционного досье. Выдвижение новых приоритетов – зелёной повестки и цифровизации – произошло за счёт смещения на второй план традиционных задач экономической интеграции. Вероятность движения ЕС к полному экономическому союзу, о котором писал Балашша, представляется в обозримом будущем пренебрежимо малой. Если понижение экономической тематики в Брюсселе продолжится, то для экономической интеграции наступит длительная фаза плато. Она будет означать, что внутренняя повестка, соответствующая стадиям Балашши, исчерпана, а вместе с ней – потенциал интеграции наращивать общее для государств-членов благо. При таком сценарии усилия органов ЕС будут направляться на усовершенствование отдельных уже существующих механизмов, например достраивание архитектуры ЭВС, модерни-

¹⁶ European Commission Joint Communication to the European Parliament, the European Council and the Council on the “European Economic Security Strategy”. Brussels. 20.06.2023. JOIN (2023) 20 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52023JC0020> (accessed: 13.09.2024).

зация таможенного союза, а также развитие рынка цифровых услуг.

В рамках третьего цикла Европейский союз всё более переключается на реагирование на внешние вызовы. Следует ожидать, что это будет характерно и для экономического измерения интеграции. Отличие современного геополитического положения ЕС от его положения в двух предыдущих больших циклах состоит в том, что теперь к технологическому отставанию от США добавляется конкуренция с Китаем, экономическая модель которого весьма далека от европейской.

Что даёт предложенный взгляд на экономическую интеграцию через призму больших циклов? Чем он может быть полезен для понимания природы интеграции первой четверти XXI века?

Во-первых, он расширяет исследовательскую оптику, добавляя к ней фактор глобализации. Во-вторых, появляется возможность рассмотреть интеграционный процесс как результат действия внешних и внутренних сил. Следовательно, избежать от критических оценок направленности интеграции вовне, а также признать наличие у неё не только созидательных, но и защитных задач. В-третьих, более закономерными представляются колебания интеграционной динамики и более естественными возможные остановки. Наконец, предложенный подход открывает дискуссию, в каком направлении может развиваться экономическая интеграция, когда классическая схема Балашши, прослужив науке добрых 60 лет, постепенно утрачивает объяснительную силу.

Список литературы

- Арбатова Н.К.* Станет ли Европейский Союз мировым центром силы? (Тенденции, возможности, риски) // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64. № 6. С. 51–65. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-51-65
- Байков А.А.* «Интеграционные маршруты» Западно-Центральной Европы и Восточной Азии // *Международные процессы*. 2007. Т. 5. №3(15). С. 4–17.
- Байков А.А.* Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии. М.: Аспект Пресс, 2012. 256 с.
- Борко Ю.А.* От европейской идеи — к единой Европе. М.: Деловая литература, 2003. 463 с.
- Буторина О.В.* Региональная интеграция: основные понятия // *Европейская интеграция: учебник / под ред. О.В. Буториной*. М.: Деловая литература, 2011. С. 12–30.
- Буторина О.В.* Цели региональной интеграции: современное понимание // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65. №10. С. 5–14. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-10-5-14
- Буторина О.В., Борко Ю.А.* Выгоды региональной интеграции: пересмотр концепции // *Современная Европа*. 2022. № 1(108). С. 5–20. DOI: 10.31857/S0201708322010016
- Бучинская О.Н.* Проблема неравенства и управления в Евросоюзе // *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. 2023. № 62. С. 171–189. DOI: 10.17223/19988648/62/12
- Громько Ал.А.* Пандемия и кризис системы международных отношений // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2020. Т. 13. № 5. С. 6–19. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-5-1>
- Кавешников Н.Ю.* Институционально-политическое развитие ЕС: кризис и варианты трансформации // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. Т. 61. №5. С. 14–24. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-5-14-24
- Кондратьева Н.Б.* Европейская модель интеграции рынков. Становление и перспектива. М.: РАН, 2020. 384 с.
- Костюнина Г.М.* Регионализм в современной мировой экономике: эволюция и основные тенденции // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2020. Т. 20. №2. С. 303–317. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-303-317
- Пищик В.Я., Алексеев П.В.* Трансформации в монетарной и финансовой политике Евросоюза под влиянием COVID 19 // *Мир новой экономики*. 2021. Т. 15. № 4. С. 48–57. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2021-15-4-48-57>
- Спартак А.Н.* Метаморфозы процесса регионализации: от региональных торговых соглашений к мегарегиональным проектам // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2017. Т. 10. №4. С. 13–37. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-13-37

- Стрежнева М.В.* Дифференцированная региональная (дез)интеграция после Брексита // Вестник МГИМО-Университета. 2022. Т. 15. №3. С. 39–60. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-3-84-39-60>
- Ушкалова Д.И., Головин М.Ю.* Теоретические подходы к исследованию международной экономической интеграции. М.: Институт экономики РАН, 2011. 44 с.
- Ушкалова Д.И.* Экономические эффекты региональной интеграции. Мифы и реальность. // Вестник Института экономики РАН. 2017. № 4. С. 120–137.
- Холопов А.В.* Бюджетная политика развитых стран: игра по правилам? // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 2. С. 5–15. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-2-5-15
- Цибугина А.Н.* Новые приоритеты роста в экономической политике Европейского союза // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2024. Т. 40. № 2. С. 175–190. doi.org/10.21638/spbu05.2024.202
- Четверикова А.С.* Тенденции развития Евросоюза: некоторые аспекты экономической интеграции // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. №1. С. 95–104. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-1-95-104>
- Шишков Ю.В.* Европейское Сообщество на переломном рубеже // Мировая экономика и международные отношения. 1986. № 6. С. 40–53.
- Шишков Ю.В.* Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ. М.: НП III Тысячелетие, 2001. 480 с.
- Balassa B.* The Theory of Economic Integration. Homewood (Illinois): Richard D. Irwin, Inc, 1961. 304 p.
- Balassa B.* Towards a Theory of Economic Integration // *Kyklos*. 1961. Vol. 14. No. 1. P. 1–14.
- Balassa B.* Tariff Reduction and Trade in Manufactures among the Industrial Countries // *American Economic Review*. 1966. Vol. 56. No. 3. P. 466–473.
- Baldwin R.E.* The causes of regionalism // *The World Economy*. 1997. Vol. 20. No. 7. P. 865–888. DOI: 10.1111/1467-970100107
- Baldwin R.* Sequencing Asian Regionalism: Theory and Lessons from Europe // *Journal of Economic Integration*. 2012. Vol. 27. No. 1. P. 1–32.
- Bergsten F.C.* Open Regionalism // *The World Economy*. 1997. Vol. 20. No. 5. P. 545–565. DOI: 10.1111/1467-9701.00088
- Bongardt A., Torres F.* Economic Governance and Sustainability // *Mapping European Integration* / ed. by A. Verdun, A. Tobias. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013. P. 146–167.
- Covi G.* Trade Imbalances within the Euro Area: Two Regions, Two Demand Regimes // *Empirica*. 2020. Vol. 48. No. 1. P. 181–221. doi.org/10.1007/s10663-020-09477-3
- De Grauwe P.* What have we Learnt about Monetary Integration since the Maastricht Treaty? // *Journal of Common Market Studies*. 2006. Vol. 44. No. 4. P. 711–730. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.2006.00659.x>
- Dion D.-P.* Regional integration and economic development: An empirical approach // *GESY Discussion Paper*. 2004. No. 21. 30 p. [doi:10.5282/ubm/epub.13527](https://doi.org/10.5282/ubm/epub.13527)
- Ethier W.J.* Regionalism in a Multilateral World // *Journal of Political Economy*. 1998. Vol. 106. No. 6. P. 1214–1245. <http://dx.doi.org/10.1086/250045>
- Indicator-Based Monitoring of Regional Economic Integration. Fourth World Report on Regional Integration / ed. by Ph. De Lombaerde, E. J. Saucedo Acosta. Cham: Springer, 2017. 360 p. DOI: 10.1007/978-3-319-50860-3
- Haas E.B.* International integration: the European and the universal process // *International Organization*. 1961. Vol. 15. No. 3. P. 366–392. <https://doi.org/10.1017/S0020818300002198>
- Holmes P., Toviás A.* Trade Policy // *Mapping European Integration* / ed. by A. Verdun, A. Tobias. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2013. P. 38–56.
- Hooghe L., Marks G.* Postfunctionalist Theory of European Integration: From Permissive Consensus to Constraining Dissensus // *British Journal of Political Science*. 2009. Vol. 39. No. 1. P. 1–23. <https://doi.org/10.1017/S0007123408000409>
- Hooghe L., Marks G.* Grand theories of European Integration in the Twenty-first Century // *Journal of European Public Policy*. 2019. Vol. 26. No. 8. P. 1113–1133. <https://doi.org/10.1080/13501763.2019.1569711>
- James H.* Making the European Monetary Union. The Role of the Committee of Central Bank Governors and the Origins of the European Central Bank. Cambridge, London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2012. 567 p.
- Kaveshnikov N.Y.* The Role of Transformative Projects in European Union Integration Dynamics // *Sovremennââ Evropa*. 2024. No. 4(125). P. 5–16. DOI: 10.31857/S0201708324040016
- Kenen P.* The theory of Optimum Currency Areas: an Eclectic View // *Monetary Problems of the International Economy* / ed. by R. Mundell, A. K. Swoboda. Chicago: University of Chicago Press, 1969. P. 41–60.

- Krapohl S., Fink S.* Different Paths of Regional Integration: Trade Networks and Regional Institution-Building in Europe, Southeast Asia and Southern Africa // *Journal of Common Market Studies*. 2013. Vol. 51. No. 3. P. 472–488. <https://doi.org/10.1111/jcms.12012>
- Krapohl S.* Integration Theory and the New Regionalism // *Regional Integration in the Global South. External Influence on Economic Cooperation in ASEAN, MERCOSUR and SADC* / ed. by S. Krapohl. Amsterdam: Palgrave Macmillan, 2017. P. 1–29. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-38895-3>
- Machlup F.* A History of Thought on Economic Integration. London; Basingstoke: The Macmillan Press, 1977. 323 p. <https://doi.org/10.1007/978-1-349-03171-9>
- McKinnon R.* Optimum Currency Areas // *American Economic Review*. 1963. Vol. 53. No. 4. P. 717–725.
- Mattli W.* Explaining Regional Integration Outcomes // *Journal of European Public Policy*. 1999a. Vol. 6. No. 1. P. 1–27. <https://doi.org/10.1080/135017699343775>
- Mattli W.* The Logic of Regional Integration. Europe and Beyond. Cambridge: Cambridge University Press, 1999b. 205 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511756238>
- Monnet J.* A Ferment of Change // *Journal of Common Market Studies*. 1963. Vol. 1. No. 3. P. 203–211. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.1963.tb01060.x>
- Mundell R.* A Theory of Optimum Currency Areas // *The American Economic Review*. 1961. Vol. 51. No. 4. P. 657–665.
- Pelkmans J.* Common markets // *Handbook of Regional Cooperation and Integration* / ed. by Ph. De Lombaerde. Cheltenham (UK) ; Northampton (Massachusetts): Edward Elgar Publishing House, 2024. P. 63–107.
- Perroux F.* Les formes de la concurrence dans le Marché Commun // *Revue d'Economie Politique*. 1958. Vol. 68. No. 1. P. 340–378.
- Sampson T.* Brexit: The Economics of International Disintegration // *Journal of Economic Perspectives*. 2017. Vol. 31. No. 4. P. 163–184. DOI: 10.1257/jep.31.4.163
- The Regional Integration Manual. Quantitative and Qualitative Methods / ed. by Ph. De Lombaerde, R.G. Flores, P. L. Iaparde, M. Schulz M. London; New York: Routledge, 2011. 384 p.
- Tinbergen J.* International Economic Integration. Amsterdam: Elsevier. 1954. 191 p.
- Verdoorn P.J.* The Intra Block Trade of Benelux // *Economic Consequences of the Size of Nations* / ed. by E.A.G. Robinson. London: Palgrave Macmillan, 1960. P. 291–329.
- Viner J.* The Customs Union Issue. New York: Oxford University Press, 2014. 248 p.

THE EUROPEAN UNION AND THE LONG CYCLES OF ECONOMIC INTEGRATION

OLGA BUTORINA

Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 125009, Russia

Abstract

The dynamics of regional economic integration remain under-discussed in academic circles. The European Union's trajectory—from customs union to common market to monetary union—exemplifies Bela Balassa's well-known stages. The launch of the Economic and Monetary Union 25 years ago with the single European currency marked a significant advance. Yet the 2005 constitutional crisis revealed the limitations of pursuing Balassa's full economic union, or a total economic integration that presupposes the unification of monetary, fiscal, social and countercyclical policies. Consequently, traditional stage-based models of integration are increasingly inadequate for explaining 21st-century dynamics. Scholars need new ideas and approaches that would help them to grasp the nature of regional economic integration in the first half of the 21st century. This article proposes a hypothesis of long cycles in regional economic integration. This framework rests on two key assumptions. First, regional integration is a collective instrument of globalization, not an insulated, endogenously induced process aimed at getting welfare gains

and expanding national markets. Its pace depends on the interplay of internal and external driving forces, whose interrelation and juxtaposition may accelerate or slow down progress. Second, economic integration unfolds cyclically, characterized by long waves of growth and stagnation, rather than a steady, linear advancement. I identify three such cycles in the European context: the first (1951–1984), the second (1985–2019) and the third (2019–present). Each cycle exhibits distinct goals, agendas and programs. With goals almost achieved and programs close to implementation, the additional institutional and operational burden puts more pressure on integration dynamics. If coupled with adverse external impact, it may suppress integration activity and induce stagnation with certain elements of disintegration. Another upward trend may gain momentum with the initiation of a new cycle, driven by a comprehensive upgrade of the integration project based on novel ideology, revised goals and fresh resources.

Keywords:

European Union; regional economic integration; stages of integration; customs union; common market; monetary union; long cycles

References

- Arbatova N.K. (2020). Stanet li Evropeyskiy Soyuz mirovym tsentrom sily? (Tendentsii, vozmozhnosti, riski) [Will the European Union Become a Global Power Center? (Trends, opportunities, risks)]. *World Economy and International Relations*. Vol. 64. No. 6. P. 51–65. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-51-65
- Balassa B. (1961). *The Theory of Economic Integration*. Homewood (Illinois): Richard D. Irwin, Inc. 304 p.
- Balassa B. (1961). Towards a Theory of Economic Integration. *Kyklos*. Vol. 14. No. 1. P. 1–14.
- Balassa B. (1966). Tariff Reduction and Trade in Manufactures among the Industrial Countries. *American Economic Review*. Vol. 56. No. 3. P. 466–473.
- Baldwin R.E. (1997). The causes of regionalism. *The World Economy*. Vol. 20. No. 7. P. 865–888. DOI: 10.1111/1467-970100107
- Baldwin R. (2012). Sequencing Asian Regionalism: Theory and Lessons from Europe. *Journal of Economic Integration*. Vol. 27. No. 1. P. 1–32.
- Baykov A.A. (2007). “Integratsionnye marshruty” Zapadno-Tsentral'noy Evropy i Vostochnoy Azii [“Integration routes” of West-Central Europe and East Asia]. *Mezhdunarodnye Protssessy*. Vol. 5. No. 3(15). P. 4–17.
- Baykov A.A. (2012). *Sravnitel'naya integratsiya. Praktika i modeli integratsii v zarubezhnoy Evrope i Tikhookeanskoy Azii* [Comparative integration. Experience and Patterns of Integration in the United Europe and Asia Pacific]. Moscow: Aspect Press. 256 p.
- Bergsten F.C. (1997). Open Regionalism. *The World Economy*. Vol. 20. No. 5. P. 545–565. DOI: 10.1111/1467-9701.00088
- Bongardt A., Torres F. (2013). Economic Governance and Sustainability. In: A. Verdun, A. Tobias (eds.). *Mapping European Integration*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. P. 146–167.
- Borko Yu.A. (2003). *Ot evropeyskoy idei – k edinoy Evrope* [From the European Idea to the United Europe]. Moscow: Delovaya Literatura. 463 p.
- Buchinskaya O.N. (2023). Problema neravenstva i upravleniya v Evrosoyuze [Problems of Inequality and Governance in the European Union]. *Tomsk State University Journal of Economics*. No. 62. P. 171–189. DOI: 10.17223/19988648/62/12
- Butorina O.V. (2021). Regional'naya integratsiya: osnovnye ponyatiya [Regional integration: basic concepts]. In: O. V. Butorina (ed.) *Evropeyskaya integratsiya: uchebnik* [European integration: textbook]. Moscow: Delovaya literatura. P. 12–30.
- Butorina O.V. (2021). Tseli regional'noy integratsii: sovremennoe ponimanie [Goals of Regional Integration: A Modern Understanding]. *World Economy and International Relations*. Vol. 65. No. 10. P. 5–14. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-10-5-14
- Butorina O.V., Borko Yu.A. (2022). Vygody regional'noy integratsii: peresmotr kontseptsii [Benefits of Regional Integration: Redefining the Concept]. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 92. No. 2 P. 105–112. doi: 10.1134/S1019331622080020
- Chetverikova A.S. (2024). Tendentsii razvitiya Evrosoyuzha: nekotorye aspekty ekonomicheskoy integratsii [European Union Development Trends: Some Aspects of Economic Integration]. *World Economy and International Relations*. Vol. 68. No. 1. P. 95–104. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-1-95-104>
- Covi G. (2020). Trade Imbalances within the Euro Area: Two Regions, Two Demand Regimes. *Empirica*. Vol. 48. No. 1. P. 181–221 doi.org/10.1007/s10663-020-09477-3

- De Grauwe P. (2006). What have we Learnt about Monetary Integration since the Maastricht Treaty? *Journal of Common Market Studies*. Vol. 44. No. 4. P. 711–730. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.2006.00659.x>
- De Lombaerde Ph., Flores R.G., Iaparde P.L., Schulz M. (eds.) (2011). *The Regional Integration Manual. Quantitative and Qualitative Methods*. London; New York: Routledge. 384 p.
- De Lombaerde Ph., Saucedo Acosta E.J. (eds.) (2017). *Indicator-Based Monitoring of Regional Economic Integration. Fourth World Report on Regional Integration*. Cham: Springer. 360 p. DOI 10.1007/978-3-319-50860-3
- Dion D.-P. (2004). Regional integration and economic development: An empirical approach. *GESY Discussion Paper*. No. 21. 30 p. doi:10.5282/ubm/epub.13527
- Ethier W.J. (1998). Regionalism in a Multilateral World. *Journal of Political Economy*. Vol. 106. No. 6. P. 1214–1245. <http://dx.doi.org/10.1086/250045>
- Gromyko A.I.A. (2020). Pandemiya i krizis sistemy mezhdunarodnykh otnosheniy [The Pandemic and the Crisis in the System of International Relations]. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 13. No. 5. P. 6–19. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-5-1>
- Haas E.B. (1961). International integration: the European and the universal process. *International Organization*. Vol. 15. No. 3. P. 366–392. <https://doi.org/10.1017/S0020818300002198>
- Holmes P., Tovias A. (2013). Trade Policy. In: A. Verdun, A. Tobias (eds.) *Mapping European Integration*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. P. 38–56.
- Hooghe L., Marks G. (2009). Postfunctionalist Theory of European Integration: From Permissive Consensus to Constraining Dissensus. *British Journal of Political Science*. Vol. 39. No. 1. P. 1–23. <https://doi.org/10.1017/S0007123408000409>
- Hooghe L., Marks G. (2019). Grand theories of European Integration in the Twenty-first Century. *Journal of European Public Policy*. Vol. 26. No. 8. P. 1113–1133. <https://doi.org/10.1080/13501763.2019.1569711>
- James H. (2012). *Making the European Monetary Union. The Role of the Committee of Central Bank Governors and the Origins of the European Central Bank*. Cambridge, London: The Belknap Press of Harvard University Press. 567 p.
- Kaveshnikov N. Yu. (2017). Institucional'no-politicheskoe razvitie ES: krizis i varianty transformatsii [Institutional and political development of the EU: Crisis and transformation options]. *World Economy and International Relations*. Vol. 61. No. 5. P. 14–24. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-5-14-24
- Kaveshnikov N. Yu. (2024). The Role of Transformative Projects in European Union Integration Dynamics. *Sovremennââ Evropa*. No. 4. P. 5–16. DOI: 10.31857/S0201708324040016
- Kenen P. (1969). The theory of Optimum Currency Areas: an Eclectic View. In: R. Mundell, A.K. Swoboda A (eds). *Monetary Problems of the International Economy*. Chicago: University of Chicago Press. P. 41–60.
- Kholopov A.V. (2024). Byudzhetrnaya politika razvitykh stran: igra po pravilam? [Fiscal Policy of Advanced Economies: Playing by the Rules?]. *World Economy and International Relations*. Vol. 68. No. 2. P. 5–15. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-2-5-15
- Kondratieva N.B. (2010). *Evropeyskaya model' integratsii rynkov. Stanovlenie i perspektiva* [The European Model of Market Integration. Formation and Perspective]. Moscow: RAN. 384 p.
- Kostyunina G.M. (2020). Regionalizm v sovremennoy mirovoy ekonomike: evolyutsiya i osnovnye tendentsii [Regionalism in the Modern World Economy: Evolution and Main Trends]. *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 20. No. 2. P. 303–317. DOI: 10.22363/2313-0660-2020-20-2-303-317
- Krapohl S. (2017). Integration Theory and the New Regionalism. In: S. Krapohl (ed.) *Regional Integration in the Global South. External Influence on Economic Cooperation in ASEAN, MERCOSUR and SADC*. Amsterdam: Palgrave Macmillan. P. 1–29. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-38895-3>
- Krapohl S., Fink S. (2013). Different Paths of Regional Integration: Trade Networks and Regional Institution-Building in Europe, Southeast Asia and Southern Africa. *Journal of Common Market Studies*. Vol. 51. No. 3. P. 472–488. <https://doi.org/10.1111/jcms.12012>
- Machlup F. (1977). *A History of Thought on Economic Integration*. London; Basingstoke: The Macmillan Press. 323 p. <https://doi.org/10.1007/978-1-349-03171-9>
- Mattli W. (1999a). Explaining Regional Integration Outcomes. *Journal of European Public Policy*. Vol. 6. No. 1. P. 1–27. <https://doi.org/10.1080/1350176993343775>
- Mattli W. (1999b). *The Logic of Regional Integration. Europe and Beyond*. Cambridge: Cambridge University Press. 205 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511756238>
- McKinnon R. (1963). Optimum Currency Areas. *American Economic Review*. Vol. 53. No. 4. P. 717–725.
- Monnet J. (1963). A Ferment of Change. *Journal of Common Market Studies*. Vol. 1. No. 3. P. 203–211. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.1963.tb01060.x>

- Mundell R. (1961). A Theory of Optimum Currency Areas. *The American Economic Review*. Vol. 51. No. 4. P. 657–665.
- Pelkmans J. (2024). Common markets. In: Ph. De Lombaerde (ed.) *Handbook of Regional Cooperation and Integration*. Cheltenham (UK); Northampton (Massachusetts): Edward Elgar Publishing House. P. 63–107.
- Perroux F. (1958). Les formes de la concurrence dans le Marché Commun. *Revue d'Economie Politique*. Vol. 68. No. 1. P. 340–378.
- Pishchik V.Ya., Alekseev P. V. (2021). Transformatsii v monetarnoy i finansovoy politike Evrosoyuza pod vliyaniem COVID 19 [Transformations in the Monetary and Financial Policy of the European Union under the Influence of COVID 19]. *The World of New Economy*. Vol. 15. No. 4. P. 48–57. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2021-15-4-48-57>
- Sampson T. (2017). Brexit: The Economics of International Disintegration. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 31. No. 4. P. 163–184. DOI: 10.1257/jep.31.4.163
- Shishkov Yu.V. (1986). Evropeyskoe Soobshchestvo na perelomnom rubezhe [The European Community at a Turning Point]. *World Economy and International Relations*. No. 6. P. 40–53. DOI: 10.20542/0131-2227-2024-68-2-5-15
- Shishkov Yu.V. (2001). *Integratsionnye protsessy na poroge XXI veka. Pochemu ne integriruyutsya strany SNG* [Integration Processes on the Threshold of the 21st Century. Why the CIS Countries do not Integrate]. Moscow: NP III Tsyacheletie. 480 p.
- Spartak A.N. (2017). Metamorfozy protsessa regionalizatsii: ot regional'nykh torgovykh soglasheniy k megaregional'nym proektam [Metamorphosis of Regionalization: from Regional Trade Agreements to Megaregional Projects]. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. Vol. 10. No. 4. P. 13-37. (In Russ.) <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-4-13-37>
- Strezhneva M.V. (2022). Differentsirovannaya regional'naya (dez) integratsiya posle Breksita [Differentiated Regional (Dis)Integration Post Brexit]. *MGIMO Review of International Relations*. Vol. 15. No. 3. P. 39–60. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-3-84-39-60>
- Tinbergen J. (1954). *International Economic Integration*. Amsterdam: Elsevier. 1954. 191 p.
- Tsibulina A.N. (2024). Novye priority rosta v ekonomicheskoy politike Evropeyskogo soyuza [New Growth Priorities of European Union Economic Policy]. *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*. Vol. 40. No. 2. P. 175–190. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2024.202>
- Ushkalova D.I. (2017). Ekonomicheskie efekty regional'noy integratsii. Mify i real'nost' Economic [Effects of Regional Integration. Myths and Reality]. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. No. 4. P. 120–137.
- Ushkalova D.I., Golovnin M.Yu. (2011). *Teoreticheskie podkhody k issledovaniyu mezhdunarodnoy ekonomicheskoy integratsii* [Theoretical Approaches to the Study of International Economic Integration]. Moscow: Institut e`konomiki RAN. 44 p.
- Verdoorn P.J. (1960). The Intra Block Trade of Benelux. In: E.A.G. Robinson (ed.) *Economic Consequences of the Size of Nations*. London: Palgrave Macmillan. P. 291–329.
- Viner J. (2014). *The Customs Union Issue*. New York: Oxford University Press. 248 p.